

С.М. Скибин, В.Н. Голицына

«На холмах Грузии лежит ночная мгла...»

Одна из лучших элегий Пушкина написана в мае 1829, во время путешествия в Арзрум; опубликована в 1831. Точный адресат неизвестен. Долгое время считалось, что она посвящена Н.Н. Гончаровой, о чем свидетельствует В.Ф. Вяземская, посылая это стихотворение в Сибирь М.Н. Волконской. Эта точка зрения самая предпочтительная. П.Е. Щеголев предположил, что стихотворение может быть посвящено М.Н. Раевской-Волконской, однако анализ этого произведения, сделанный ею в письме к В.Ф. Вяземской, дает основания к сомнению (Б. Томашевский). Ю. Тынянов, опираясь на черновые варианты элегии, выдвинул гипотезу, что «безымянной любовью» Пушкина является Е.А. Карамзина. Стихотворение впервые опубликовано с заглавием «Отрывок». С. Бонди, исходя из названия при первой публикации, составил из черновых записей сводный полный текст. К. Григорьян оспаривает правомерность восприятия этой элегии как отрывка. Черновики свидетельствуют о том, что каноническому тексту предшествовала сложная работа. В первоначальном варианте два первых стиха звучали так:

Все тихо — на Кавказ идет ночная мгла,
Восходят звезды надо мною.

Возможно, Пушкина смутила отдаленная переключка с началом «Элегии» (1816) Д. Давыдова:

Все тихо!
И заря багряною чертой
По синеве небес безмолвно побежала...
И мгла, что гор хребты и рощи покрывала...

Как бы там ни было, но благодаря новому варианту («На холмах Грузии лежит ночная мгла; / Шумит Арагва предо мною») Пушкину удалось сделать пейзаж более конкретным (Грузия, Арагва), но в то же время невидимым, а лишь ощущаемым, как ощущаем незримый мир души. Если в первом варианте мгла только грядет, то во втором — ночь уже наступила. Статичность в природе и умиротворение в душе стали залогом глубокого проникновения во внутренний мир героя. В рефлектирующей душе романтика контраст между «грустно» и «легко», «печально» и «светло» должен был стимулировать разобщенность с миром и невозможность обретения идеала (любви). В стихотворении Пушкина эти же чувства стали оплотом внутренней гармонии лирического героя с миром.

Восьмистишие вбирает в себя и мглу грузинской ночи, и плеск Арагвы, грусть и печаль разлуки с любимой, и все это одухотворено счастливым ощущением вновь обретенной всепоглощающей любви. Поэтому грусть оказывается легкой, печаль — светлой, душа — наполненной («Тобой, одной тобой...»).

Музыкальность стихотворения создается системой аллитераций и ассонансов: неоднократным повтором мягкого *л* в сочетании с гласными (*ле, ля, лю*), переключкой гласных (*а, у, о*). Все это придает стихотворению романсную напевность.